

Содержание

Предисловие	7
Глава первая. Русский раскол. Появление	
двух русских православий	8
Отказ от «герменевтической камеры»	9
Координаты русской культуры	12
Спор иосифлян и нестяжателей	
и государственный террор Грозного	13
Смута	17
Разделенное православие	43
Конец спора о правоте. «Старообрядцы»	47
Глава вторая. Хронология старообрядчества	
в системе двух православий	51
Первый период от начала реформ Никона	
до собора 1666–1667 гг.	51
От собора 1667 г. до выделения	
беспоповских согласий	54
От восстановления иерархии у поповцев	
до религиозных свобод	59
От Февральского переворота	
до катастрофы Гражданской войны	70
Старообрядцы во время коллективизации	
и репрессий 1930-х гг.	71
От послевоенного периода	
до конца Советской власти	73
Современный период	75
Глава третья. Старообрядцы как предмет	
мифологизации	77
Религиозное меньшинство	77
Миф первый о протопопе Аввакуме: крамольщик	79
Миф второй об Аввакуме: еретик	80
Миф третий: старообрядцы-изуверы	
и самосожженцы	83
Миф о связи старOVERия с русским сектантством	85
Миф о лесной и деревенской природе старOVERия	86

Миф о том, что старообрядцы служат по совершенно другому (Студийскому) уставу	87
Староверы — язычники?	89
Миф о реакционности и ретроградстве староверов	90
Миф о предательстве староверов в Отечественной войне 1812 г.	91
Миф о порождении большевизма из староверия	92
Миф о количестве старообрядцев	96
Миф о 180-летнем отсутствии епископов и «неканоничном» епископстве	97
Миф о том, что старообрядцы раскололись на тысячу согласов	100
Миф о том, что старообрядцы не желали единства русского православия	101
Миф о тайных знаниях старообрядцев	103
Миф о приверженности старообрядцев натуральным продуктам и о том, что староверы не пьют вина	104
Миф о плохом отношении староверов к науке и культуре	105
Миф о закрытости староверов	108
Миф о том, кем староверы считают никониан	110
Миф о «старцах» и старообрядчество	115
Миф о том, что староверие — исключительно русское явление, связанное с народной косностью	117
Миф о том, что старообрядцы — аналог протестантов	120
Миф о том, что старообрядцы не изменили «ни йоты» в дораскольных книгах	121

Глава четвертая. Некоторые отличительные черты

старообрядческого мировоззрения и их смысл	123
Церковь и власть	124
Троеперстие	126
Человеческое имя Христа	128
Аллилуйя и другие церковно- богослужебные моменты	134
Посолонь	137
Иконопись	137
Пение	139
Старообрядчество как альтернатива	141

Предисловие

Эта книга возникла как продолжение разговоров с самыми разными людьми о старообрядцах, о Церкви, об истории и о судьбе России. Старообрядцы своим существованием напоминают: Раскол не исцелен, ответы на главные вопросы не даны, успокаиваться нельзя, надо иметь смелость пойти до конца. Кажется, только так можно смотреть в будущее нашей страны и нашего народа.

Тем более что и с православием у нас далеко не все в порядке. Массовый отход общества от новообрядной церкви в XIX–XX вв — не только заслуга революционеров и марксистов. Раскол нарушил органическое единство, разобщил и ослабил русское православие. Пытаюсь компенсировать свою немощь государственной мощью, оно только усугубляет болезнь. Смелость признать разделенность и немощь важнее, что показная мощь и натужное бодрчество. Способность трезво взглянуть на свое духовное состояние — полезная вещь.

В этой книге собраны помимо прочего разные мифы о старообрядчестве: от самых глупых до довольно сложных. Миф — это не просто байка, это базовая структура общественного сознания. Разбирая и анализируя эти мифы, мы обогащаем и углубляем наше собственное мировоззрение.

Благодарю тех коллег и друзей, разговоры с которыми очень помогли думать и рассказывать о старообрядчестве: А. В. Антонова, протоиерея Евгения Чунина, иерея Алексея Лопатина, С. Г. Вургафта, Д. А. Урушева, Б.А. Кисельникова, А. Безгодова, А.В. Езерова и Р. Майорова и многих других.

Глава первая

Русский раскол. Появление двух русских православий

События, произошедшие в XVII веке, драматическим образом отразились на истории России, и мы продолжаем жить в их тени. Однако о той мрачной драме мы вспоминаем на удивление редко. В чем причина этой нашей забывчивости? Только ли в том, что ужасные и трагические события XX века полностью заслонили от нас более раннее прошлое?

Причина в том, что мы до сих пор не умеем об этом говорить. За прошедшие триста лет поменялись язык, культура, летосчисление, политическая реальность — но не появилось (или кажется, что не появилось) новой формы разговора о расколе XVII века. Да, мы научились говорить на языке мультикультурализма, толерантности, полицентричности, умеем строить нелинейные модели, но до сих пор наш разговор о событиях великого раскола идет в *терминах ересеологов III–IV вв.*, которые изобрели христианскую этнографию.

Тодд Берзон, исследователь ересеологической литературы поздней Античности, привлек внимание к интересному явлению: стигматизации той или иной группы, приводящей к ее определению как «ереси». В ходе этой стигматизации «еретичность» постепенно утрачивает смысл, а на ее месте появляется этнография. Люди сначала считают диссидентов «еретиками», а их потомки уже считают их особым этносом или его разновидностью. Черта проводится сначала между разными идеями, а потом сознается как черта между народами. Так произошло со старообрядцами. Само слово «старообрядец» (а тем паче «раскольник») — часть языка ненависти, сперва рядившейся в одежды догматики или канонического права, а затем сменившейся равнодушным интересом этнографа. Но за этой этнографией скрывается драматическое явление раскола народа и появление двух разных православий в России.

Как же произошло появление двух альтернативных православий? И как возник этот язык ненависти?

Отказ от «герменевтической камеры»

Отказаться от этого языка ненависти трудно, поэтому его и вертят, — каждый на свой лад. Думаю, эти попытки следует прекратить, если мы хотим разобраться для начала в XVII веке. Попробуем описать, что произошло, не привлекая этого языка, не употребляя слов «ересь», «еретики», «раскольники». Одновременно придется отказаться от ряда привычных понятий, которые мы впитали едва ли не с молоком матери. Это нужно для того, чтобы объяснить, как так вышло, что в нашей истории и культуре духовная сфера, связующая нас

с византийским православием, получила разрыв в самом чувствительном месте. Это место — древнерусская культура, наследие Древней Руси. С моей точки зрения, в XVII веке произошел отказ от этого наследия. Точнее говоря, отказались от интерпретационного механизма, полученного от предков «устройства», позволяющего нам «подключиться» к Древней Руси, а через нее — к Византии. Византийское преемство — очень дискуссионная и сложная тема. За XVIII–XIX века к Византии обращались не раз и не два, да и в наше время тяготеют к ней снова. Священники обрядились в греческие фески и тужурки, хоры запели «Агни Парфене», стало модно учить греческий. Но современное греческое православие при всем желании не может «подключить» нас к Византии. Самое главное — мы не понимаем: а зачем нам вообще к ней подключаться? Более того, уже выросли поколения русских людей, считающих это наследие не только не нужным, но и вообще бесполезным. Впрочем, культуры живут, только если связаны с корнями, — а без корней умирают. И мы, отрицая эти связи, по сути, придумываем себе другие корни.

И система этих других корней пронизала всю культуру. От нее не так просто абстрагироваться. Нужна революция почище современной информационной. Петр I, создатель современной России, приучил русских людей смотреть на Европу как на свою родину, как на «место силы». Такой взгляд не историчен — но он конструктивен. Он тоталитарен и неорганичен — но он врос в нас, поэтому от него невозможно избавиться. Будем исходить из того, что без утраты способности строить рациональное объяснение нашей истории мы не сможем отказаться от наследия петровской эпохи. А без рационального объяснения истории и без рассуждения

о прошлом, основанного на критике, нам остаются только песни. Аэдов хватает сейчас и без нас, а петь патриотические песни в угоду князьям — не дело ученых.

Я предлагаю вам вместе со мной принять такую форму объяснения того, что произошло в XVII веке: Россия в лице своей верховной и церковной власти отказалась от древнерусского наследия. Но от всего ли — и в какой форме? Очевидно, что не от всего: часть этого наследия используется и донныне. Это касается прежде всего языка и элементов символического кода культуры. Но поменялись смысл и форма связи с этим наследием. Вместо прямой связи возникла декларативная идея преемства, а также решено было оставить некоторые символы (симулякры). Но самое главное — *исчезла «герменевтическая камера»*. Что это такое?

Так мы будем называть культурный механизм, позволяющий понимать прошлое как часть нашей идентичности. На протяжении столетий, с X по XVII века, роль этой камеры играла общеславянская церковно-народная культура. Именно она была ответственна за восприятие и усвоение внешних культурных и социально-политических форм. Попадая в эту герменевтическую камеру, эти формы (обычаи, тексты, формулы) получали языковую и культурную оболочку, позволяющую вносить их в русскую культуру. При этом явления чуждой культуры нередко изменялись и даже деформировались, но так уж работает эта камера. Переоформление, перекодировка создавали национальную культурную сферу, в которой различные люди могли говорить на одном языке. Проще говоря, *национальная форма культуры есть результат особой перекодировки заимствований*. И вот, такую «камеру» демонтировали, точнее говоря, сначала пытались докрутить ее, поменять в ней

интерпретаторы, отчего вся система сначала засбоила, а затем пошла вразнос. Тогда от нее отказались вовсе, по русской привычке не чинить, а выбрасывать. Это герменевтическую камеру сбросили, как ненужный балласт.

Теперь мы подходим к основе нашей истории. Русским расколом мы предлагаем называть тот этап отказа от связи с византийским прошлым России, когда из-за смены кодов вся жизнь российского народа пошла вразнос и стала генерировать противоречивые, а порой даже абсурдные команды. Причина, повторим, была в попытке сменить герменевтические коды культуры. Этими кодами в русской культуре, как и в любой средневековой, была церковная жизнь в широком смысле: обряды, быт, обычаи. Эта культура сложилась в Московской Руси, отделенной от Руси Южной и Юго-Западной, и, конечно, была «национально ограниченной» с сильными элементами изоляционизма, — но такими были все культуры на выходе из Средневековья в Новое время.

Координаты русской культуры

Таковыми были и почти все национальные культуры христианского Востока. Русская культура — именно такая, какими и начинается XVI век. Иногда Москву по недоразумению считали Третьим Римом, а то и напрямую наследницей Византии. Но она не была ни тем, ни другим. Возникнув как запасной аэродром Византии, попавшей в непростую ситуацию стратегического отступления перед турками, славянский мир постепенно обрел самостоятельность. Но в силу политических обстоятельств только Русь смогла обзавестись государственностью такого типа, которая обезопасила ее от

угрозы как от Турции, так и с Запада. И церковная жизнь, основа православия, постепенно стала тем механизмом, герменевтической камерой, которая прилежно фильтровала все, что в нее попадало. Итак, подведем итог. В XVI веке Россия оказалась на перепутье: Византии больше не было (уже 50 лет как), на ее месте была Османская империя, с которой Россия вступила в длительную войну, которая продолжалась с перерывами до конца XX века. Православные круги района Фанар в Константинополе и вообще балканских стран стали смотреть на Россию с надеждой. Они очень хотели вернуть назад если не Византию, то по крайней мере какое-то православное государство-гегемон. В Московской Руси поневоле пришлось «делать вид», что она и есть Византия. Разумеется, это было не совсем так, точнее, совсем не так. Но *noblesse oblige*. Начались поиски того, как бы это сделать, но ничего нового, кроме как сблизиться с Польшей или Германией, старыми противниками Турции, не придумывалось. То ли не хватало креатива, то ли опыта, но в этой ситуации вызова, если говорить языком Тойнби, Россия растерялась. Причины этой растерянности — в серии нарушений культурного кода, произошедших по вполне объективным причинам. Названия этих нарушений — иосифлянский спор, опричный террор и Смута.

Спор иосифлян и нестяжателей и государственный террор Грозного

В конце XV в. Русь потрясли два спора: Церкви и движения жидовствующих, а затем — спор иосифлян с нестяжателями. И если первый спор имел вполне понятные

позиции сторон и, несмотря на широкое распространение идей жидовствующих, не оказал глубокого влияния на умонастроения масс, то второй спор был куда более существенным. Иосифа Волоцкого и Нила Сорского с Вассианом Патрикеевым разделяли некоторые фундаментальные представления. Для преподобного Нила действовала исихастская, отшельническая парадигма, в которой человек предстоит перед Богом сам, в силу своей ответственности и молитвы. Самоосуждение еретика и «градские казни» к ним применять не следует. Монастыри не следует превращать в агрохолдинги: задача обителей — в приюте для монахов и богомольцев. Светская власть, по мнению «заволжцев», должна была слушать голос Церкви как голос совести, но отношения человека и властей определяли послушание и вера. Иосифляне стали выступать с государственнической позиции, они считали крупное землевладение монастырей нормой, а неповиновение властям — грехом. В 1503 г. Собор иосифлян принял решение о поддержке «градских казней» против еретиков. Именно на этой традиции и держались потом никонианские гонения против старой веры. На судах против нестяжателей выдвигали аргументы государственной пользы, и в 1531 г. Вассиан Патрикеев и с ним греческий монах Максим Триволис (Максим Грек) были осуждены, а имя преп. Нила постепенно становится нежелательным в победившей церковной традиции. Именно Максиму Греку принадлежит апология дуперстия и некоторые аскетические сочинения. Вообще осуждение нестяжателей и победа иосифлян оказалась трагическим поворотом: во имя государственной Церкви стали гнать народную аскезу, видных игуменов отрешали от настоятельства, да и роль монастырей стала умаляться. Как видно из «Прения

с Иосифом Волоцким» и других документов этого спора, исследованных А. Плигузовым, именно тогда появилась в классификациях новая категория врагов православия — «отступники». Иосиф Волоцкий и писатели его круга считали их хуже еретиков. Таких можно только уничтожать. После решения о казни еретиков и разгрома нестяжателей путь был недалек и до разгрома Грозным всех монастырских владений после краткого царствования Симеона Бекбулатовича.

Этот спор поставил под вопрос главное обоснование церковной правды — аскетизм. И потом уже, во времена террора Иоанна Грозного, аскета-митрополита Филиппа царь спокойно убрал с дороги, провозгласив себя «игуменом Русской земли». В споре был подорван и авторитет монастырей Русского Севера, и заодно — авторитет византийской старины. Осуждение Максима Грека вкупе с нестяжателями показало, что никакие апелляции к византийской и святоотеческой старине — не указ властям, если они примут чью-то сторону и решат использовать церковные вопросы в своих интересах. Конечно, в первый период своей деятельности молодой Иоанн Васильевич слушался своих советников и даже почти вышел на дорогу исправления ситуации в государстве, но все внезапно повернулось в сторону совершенно обратную и трагическую.

Причины, по которым царь Иоанн Васильевич вдруг стал из прогрессивного и патриотичного царя-собиравателя мрачным фанатиком-безумцем, более или менее ясны. Ливонская война, вызвавшая к жизни новгородский вопрос, начало многовекового противостояния с Османской державой, тяжелое наследие церковного раздора иосифлян и нестяжателей, наконец, вероятное психическое нездоровье самого царя... Парадокс правления

Грозного-царя в том, что первую половину его царствования староверы очень чтут, а от второй пострадало множество людей и косвенно — сами староверы через сто лет.

Как известно, в 1565 г. царь порвал с «Избранной радой», отправил в отставку Адашева и Сильвестра и объявил о введении особого режима для части страны — опричнины. Объявив себя «игуменом», царь перестал слушать митрополита Филиппа, учредил нечто вроде своей парацерковной организации опричников и погрузился в смакование террора. Казни следовали за казнями, верхушка общества была объята страхом, народ, вероятно, не очень понимал, что происходит, но сочувствовал борьбе с боярами — «хорошо богатых потрепать». На границах шла война, экспедиции шли на восток, поэтому мероприятия Грозного и его истерические метания между Александровой слободой, Кремлем и Якиманкой были заметны только ближнему кругу да заезжим писателям вроде Герберштейна. Но гнев царя обрушился и на Церковь: за митрополитом Филиппом последовали и главы опричников, а за ними — архиереи и игумены-противники убитого митрополита. Начав расправу с Церковью, власть автономизировалась от общественной совести и де-факто провозгласила свою неподсудность. Далее массовый террор продолжался уже без контроля со стороны духовных властей. А это уже была фактическая тирания, когда люди боялись высказывать хоть какую-то критику в сторону царя и его окружения.

Чем же так драматичен первый массовый террор в исторической перспективе? Люди начинают терять веру в общественную справедливость и в институт власти. Уничтожая старую аристократию, власть уничтожала

прослойку, способную рефлексировать. Уничтожая функцию совестливой критики власти со стороны Церкви, власть загнала протест внутрь общества и создала предпосылки для Смуты и бунтов. Страна попала в чудовищный кризис, приведший ко второму удару, предвосхитившему Раскол — Смуте.

Смута

Слово *смута* вызывает в наше время больше ассоциаций с душевным настроением человека, чем с историей российской или с политическими процессами и их цикличностью. Однако все же политический и исторический смысл слова «смута» первичен. И тем не менее впервые слово «смута» в значении «восстание, период политической и социальной анархии появилось именно в языке XVII в. Мало кто помнит, что само это слово пришло на Русь из византийской культуры, в которой слово *táραχος* обозначает восстание или беспорядки. Это слово так удачно привилось к культуре русской, что стало парадигматическим.

Так, например, Ю. С. Пивоваров предложил ввести понятие «смута» в качестве русского аналога слова «революция». Этот «новый шишковизм» выглядит как программа «локальной русской политологии» и исходит из идеи, что в России все настолько уникально, что вовсе не описывается в категориях мировой науки. Но Пивоваров пошел еще дальше: он считает, что в России вовсе нет революций в смысле европейском, а есть только смуты, то есть группы явлений с нарастающей энтропией и несистемностью, которые приводят к социальным сдвигам. В наших размышлениях мы не станем